

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Х. С. Булацев

ИЗБРАННОЕ

СТАТЬИ · РЕЦЕНЗИИ · РАССКАЗЫ · ПИСЬМА

ЖУРНАЛИСТИКА

Хазби Булацев

**Избранное. Статьи,
рецензии, рассказы, письма**

«Санкт-Петербургский государственный университет»

2018

УДК 070
ББК 76

Булацев Х. С.

Избранное. Статьи, рецензии, рассказы, письма / Х. С. Булацев —
«Санкт-Петербургский государственный университет», 2018

ISBN 978-5-288-05847-9

Книга включает в себя избранные произведения доктора исторических наук, профессора, известного исследователя провинциальной и национальной печати России Хазби Сергеевича Булацева, чья жизнь и деятельность долгие годы была связана с Ленинградским (ныне Санкт-Петербургским) университетом. В сборник вошли не публиковавшиеся ранее статьи, рецензии, рассказы, письма. В приложениях собраны воспоминания о Х. С. Булацеве коллег и бывших студентов, а также фотографии разных лет. Книга рассчитана на всех, кто интересуется историей отечественной журналистики.

УДК 070

ББК 76

ISBN 978-5-288-05847-9

© Булацев Х. С., 2018
© Санкт-Петербургский
государственный университет, 2018

Содержание

Предисловие	6
Статьи	10
Из истории провинциальной печати	10
Газеты «Северный Кавказ» и «Казбек» накануне и в период первой русской революции	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Хазби Сергеевич Булацев
Избранное. Статьи,
рецензии, рассказы, письма

© С.-Петерб. гос. ун-т, 2018

© Л. П. Громова, предисловие, 2018

Предисловие

Предлагаемая читателю книга включает в себя избранные произведения Хазби Сергеевича Булацева (1932–1984), известного ученого, общественного деятеля, талантливого педагога и журналиста, написанные им в разные годы второй половины XX в. В ней многогранно и достоверно воссоздается образ незаурядного представителя ушедшей эпохи, оставившего яркий след во всех своих делах и начинаниях. В рукопись вошли неопубликованные научные статьи, рецензии, рассказы, письма – тексты, на первый взгляд, весьма разнородные по жанрам и тематике. Но при внимательном их прочтении понимаешь, что все они объединены цельной личностью автора, его искренним стремлением к поиску правды и истины, человека, представившего свои размышления, заботы, борения, которые очень точно отразили атмосферу и идеологический контекст советского времени. Это своего рода документальное свидетельство, запечатлевшее эпоху в яркой жизни одного человека.

Биография Хазби Сергеевича Булацева теснейшим образом связана с историей нашей страны. В раннем детстве его отца, директора Северо-Осетинского издательства и переводчика, арестовали по доносу, и он, сын репрессированного, на себе испытал все тяготы и несправедливости жизни. Может быть, отсюда в нем была такая безграничная доброта и забота о людях, которую мы, студенты факультета журналистики Ленинградского университета, учившиеся у Хазби Сергеевича в 1970–1980-х годах, постоянно ощущали на себе.

Он, выпускник средней школы в г. Орджоникидзе (ныне Владикавказ), поступил в Ленинградский государственный университет на отделение журналистики филологического факультета в 1955 г., после окончания которого был направлен по распределению на работу в газету «Краснинская правда» Липецкой области. Затем он занимал должность заведующего отделом комсомольской жизни областной молодежной газеты «Ленинец», а в 1958 г. вернулся в Орджоникидзе, где работал зав. отделом учащейся молодежи в республиканской газете «Молодой коммунист». Вскоре Х. С. Булацев был переведен в Северо-Осетинский обком ВЛКСМ, с 1960 по 1964 г. был первым секретарем Северо-Осетинского обкома комсомола. В 1965 г. он поступил в ЛГУ для обучения в аспирантуре. Успешно защитил кандидатскую диссертацию «Гиги Дзасохов – осетинский публицист-революционер», после чего работал старшим научным сотрудником Северо-Осетинского научно-исследовательского института. В 1969 г. был приглашен преподавать на факультет журналистики ЛГУ и уже навсегда связал свою жизнь с научной и преподавательской работой в Ленинградском университете: был доцентом, заместителем декана по учебной работе, с 1979 г. – заведующим кафедрой истории журналистики. В 1983 г. защитил докторскую диссертацию «Революционное движение в России второй половины XIX – начала XX в. и местная демократическая печать». А в 1984 г. Хазби Сергеевича не стало... Сердце не выдержало многолетней нагрузки, переживаний, отзвуки которых можно встретить на страницах этой книги в публикуемых письмах. Похоронен он на городском кладбище Владикавказа.

За сухими фактами биографии трудно разглядеть и понять натуру человека, тем более такую мятущуюся, тонко чувствующую несправедливость, глубоко ранимого, каким остался в моих воспоминаниях Хазби Сергеевич Булацев. Он был борцом и умел последовательно и до конца отстаивать свои взгляды и свою правду. В этом я убеждалась не раз за долгие годы совместной работы на кафедре. Еще раньше, будучи студенткой, я узнала Хазби Сергеевича как яркого, интересного преподавателя и заботливого заместителя декана, которого в студенческой среде любили за его демократизм, внимательное и чуткое отношение к студентам. Иногда казалось, что он знает заботы абсолютно каждого из нас и всегда стремится помочь всем, кто в этом нуждается.

Хазби Сергеевич был заядлым шахматистом и сумел передать свое увлечение этой умной игрой многим студентам факультета журналистики. За шахматной доской его часто можно было увидеть со студентами, регулярно проводившими шахматные турниры, что создавало особую атмосферу на факультете. Об этом с благодарностью писали потом выпускники разных лет в своих воспоминаниях о студенческих годах. Интерес к шахматам и глубокое знание предмета представлены в этой книге двумя статьями Хазби Сергеевича, написанными в связи с победой Александра Кочиева в юношеском чемпионате Европы по шахматам.

Опыт Х. С. Булацева как педагога и заместителя декана явился для меня хорошей школой, когда впоследствии мне самой довелось работать заместителем декана и деканом факультета журналистики СПбГУ. А его открытость и доброта стали для меня поучительным примером отношения к людям. Много позже, узнав, насколько нелегкими были его детство и юность и как тернист был путь в науку, я смогла по-настоящему понять и оценить многие его поступки, его мудрость и душевную щедрость. Мне кажется, именно тогда в образе Хазби Сергеевича я на всю жизнь полюбила Северную Осетию – благословенный край, породивший так много талантов и выдающихся людей.

С приходом Х. С. Булацева на кафедру истории журналистики ЛГУ началась новая страница ее собственной истории. Его опыт журналистской работы актуализировал и сделал более «практичным» историко-теоретическое знание. Кроме того, он начал разработку нового учебного и научного направления – изучения и преподавания истории национальной и провинциальной печати России, что оказалось очень актуальным и своевременным.

В 1980-е годы факультет журналистики Ленинградского государственного университета стал центром подготовки журналистов для национальных СМИ. Чтобы обеспечить профессиональными кадрами местную периодическую печать, из национальных и автономных республик СССР в Ленинградский университет после второго курса филологических факультетов приезжали студенты, чтобы получить здесь профессиональное журналистское образование. Это была целевая государственная программа, в которой очень востребованным оказался новый курс Хазби Сергеевича «Журналистика народов СССР». Но что особенно важно, разработка этого курса дала импульс системному изучению истории провинциальной журналистики, у истоков которого стоял Хазби Сергеевич Булацев. Его работы заложили основу будущих исследований прессы российских регионов и до сих пор находятся в активном научном обороте.

В представленном сборнике публикуются статьи, написанные Х. С. Булацевым преимущественно в 1970-е годы. Они посвящены малоисследованным или вовсе не исследованным в то время изданиям. Среди них – газеты «Северный Кавказ», «Казбек», «Самарская газета», «Камско-Волжская газета» (впоследствии большой раздел о ней и ее сотрудниках войдет в монографию Х. С. Булацева «Пионеры провинциальной печати», 1981). Анализируя «возможание» провинциальной печати, он подчеркивает ее неразрывную связь с историческим опытом российской журналистики, в то же время показывая самостоятельность, зрелость провинциальных изданий в газетно-журнальной полемике по многим вопросам общественной и литературной жизни России.

Характерной чертой индивидуального стиля Х. С. Булацева являются публицистические отступления, в которых «прорывается» его деятельная натура неравнодушного человека, глубоко и эмоционально погруженного в исторический материал. Он не может оставаться безучастным к тому, о чем пишет. В этих публицистических «допущениях», в умении акцентировать внимание на важных и актуальных вопросах угадывается его журналистская практика. Так, рассматривая полемику «Недели» с «Камско-Волжской газетой» о роли и месте провинциальной печати в общественной жизни России, автор приводит цитату из «Камско-Волжской газеты», которая в значительной мере отражает жизненную позицию и размышления самого исследователя: «Мы переживаем теперь такое время, когда общественным деятелям в каком бы то ни было роде нужно много энергии и много веры в свое дело, чтобы устоять против

повального обессиления, разочарования, апатии, благодаря которым у многих опускаются руки при мысли о предстоящей работе» (Камско-Волж. газета. 1871. № 1). Рассказ об одной газете ведется исследователем в широком контексте российской провинциальной печати, а также ее взаимодействии со столичной прессой. Например, освещение темы голода в Самарской губернии 1873 г., эксплуатации детского труда на фабриках (полемика с газетой «Голос»), тематическая переключка с демократическими журналами «Дело» и «Отечественные записки». Высказывания исследователя самостоятельны и порой противоречат общепринятому в советской историографии взгляду на те или иные вопросы – в частности, об общественно-политическом направлении газеты «Неделя» в изучаемый период. Но его выводы всегда аргументированны, доказательны, а потому принимаются как обоснованное мнение. Так, в рецензии «Незнание не есть аргумент», написанной на книгу М. С. Тотоева «Очерки истории культуры и общественной мысли в Северной Осетии в начале XX века», мы видим непримиримую полемику с автором монографии по поводу политических взглядов Гуго Дзасохова. Х. С. Булацев, основываясь на текстах самого публициста, доказывает неоспоримость своей точки зрения. Следует отметить особое внимание автора к вопросам научной этики. К этой проблеме он часто обращался в своей педагогической практике, а также в научных выступлениях. Он затрагивает ее и в публикациях, вошедших в сборник, – в статье «Искусство любить науку», посвященной профессору В. Г. Березиной, в рецензии «К претензиям бы скромности прибавить», в письмах.

Отдельные оценки и высказывания, встречающиеся в его рецензиях и полемических статьях, могут показаться излишне эмоциональными и прямолинейными. Вполне вероятно, что с течением времени они утратили свою остроту и актуальность, изменились подходы и методология исследований. Однако они остаются живыми, бесценными свидетельствами истории науки, яркими примерами распространенных в советское время исследовательских подходов. Сохранив дух времени, они не утратили научной ценности самого исследования (например, в случае подробного анализа публикаций о Парижской коммуне).

Особый интерес в книге представляют работы о Гуго Дзасохове. Не будет преувеличением сказать, что Х. С. Булацев открыл русскому читателю имя этого талантливый осетинского публициста, литературного критика, педагога и просветителя, посвятив ему кандидатскую диссертацию и многие другие работы, в том числе монографию «Гуго Дзасохов – публицист-революционер» (1982). В настоящую книгу включены как научные статьи о творчестве Дзасохова, так и многострадальная история с изданием книги о нем, отраженная в переписке Х. С. Булацева с Х. С. Черджиевым.

Читая сейчас, на исходе второго десятилетия XXI в., написанное Хазби Сергеевичем почти 50 лет тому назад, в условиях другой идеологической эпохи, с другими общественными ценностями, невольно задумываешься: а насколько это может быть интересно современному читателю, живущему в новой системе координат, с иными идеалами и системой приоритетов? Людям моего поколения, получившим образование в советское время, пережившим несколько общественных формаций, ставшим свидетелями произошедших перемен и пытающимся осмыслить все случившееся со страной и с нами, – это близко и понятно как история нашей жизни. Для современного же поколения книга явится своего рода хрестоматией к изучению минувшего времени и его проявления в судьбе одного человека.

Ушли в прошлое идейные баталии XX в., отражением которых является эта книга, но поиски истины в науке, социальном устройстве жизни продолжают сохранять свою актуальность. И в этом смысле сборник избранных произведений доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой истории журналистики Санкт-Петербургского (Ленинградского) государственного университета Хазби Сергеевича Булацева – мудрого, честного и бескомпромиссного представителя советского поколения – является свидетельством яркой и содержательной жизни ушедшей великой эпохи.

Л. П. Громова, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой истории журналистики СПбГУ с 2010 г., Почетный работник ВПО РФ

Статьи

Из истории провинциальной печати («Камско-Волжская газета», 1872–1874 гг.)

Русской провинциальной прессе, начавшей свою летопись еще с 1788 г. (с появления «Тамбовских известий»), понадобилось чуть ли не целое столетие, чтобы обнаружить первые серьезные признаки возмужания и поворота к социально-политическим проблемам. Лишь к 70-м годам XIX в., как отмечал В. Г. Короленко, печать провинции все-таки заняла уже свое место в русской жизни, а отдельные ее органы стали играть определяющую роль в решении многих местных вопросов¹.

Среди именно таких провинциальных изданий Короленко в первую очередь называл казанскую «Камско-Волжскую газету», первый номер которой вышел ровно 100 лет назад. Предварительно следует заметить, что эта газета, заслуживая самого пристального внимания исследователей, пока не изучена (как, впрочем, и многие другие издания тогдашней провинции). А та краткая характеристика, которая дается «Камско-Волжской газете» в справочнике «Русская периодическая печать», далека от того, чтобы признать ее верной. Нельзя в частности, согласиться с утверждением, содержащимся в этом справочнике, что страницы «Камско-Волжской газеты» посвящены только «малым делам», равно как и с утверждением, что возникшее в 1872 г. «Политическое обозрение» к середине года исчезло со страниц газеты².

«Камско-Волжская газета», просуществовав лишь два года (1872–1874), явилась настолько заметным изданием, что ее не могли обойти молчанием как в дни существования, так и после ее закрытия. Журнал «Дело», например, при его весьма требовательном отношении к провинциальной печати, еще в 1873 г. отмечал, что в «Камско-Волжской газете» и политический от дел «ведется с тактом и толком» и что местную хронику она «ведет гораздо толковей других изданий и вообще отличается умным выбором местных известий и что она вполне грамотна, опрятна; в ней вы не встретите ерунды и нередко найдете чрезвычайно любопытные корреспонденции, умные и живые статьи»³.

Позднее, спустя примерно 20 лет после запрещения этой газеты, с большой похвалой отзывался о ней В. Г. Короленко, отмечавший, что «в лице „Камско-Волжской газеты“ печать Поволжья сделала огромный шаг вперед...»⁴

«Камско-Волжская газета» сразу же заявила о себе в полный голос. Это был не робкий и невнятный голос новорожденного младенца, а голос серьезный и требовательный, выразивший мысли и настроения лучших деятелей русской провинции. В газете сотрудничал широкий круг передовых представителей провинциальной публицистики, такие, например, как А. С. Гациский (от Нижегородской губернии) и Н. М. Ядринцев (от Сибири). Уже в первом номере «Камско-Волжская газета» решительно отвергла мнение, будто провинциальная пресса «бесполезна». Достойную отповедь, в частности, получила «Неделя», утверждавшая, что «при тех обстоятельствах, в какие поставлена провинциальная печать, какова бы ни была энергия отдельных представителей печатного слова, они ничего не могут сделать».

«Там, где ничего нельзя сделать, остается, очевидно, сложить руки и ждать», – иронизировала по этому поводу «Камско-Волжская газета». И продолжала: «Мы переживаем теперь такое время, когда общественным деятелям в каком бы то ни было роде нужно много энергии и много веры в свое дело, чтобы устоять против повального обессиления, разочарования, апатии, благодаря которым у многих опускаются руки при мысли о предстоящей работе. И чем

больше встречается в наше время эта свежая вера, тем непростительней отравлять ее торопливым и неразборчивым скептицизмом. Разрушать эту веру – значит становиться на сторону того старческого благоразумия, которое ищет только покоя, закрывая глаза на будущее... „Жди и надейся“ – вот неизбежный совет, который вы встречаете отовсюду и во имя которого большинство мало-помалу погружается в равнодушие.

Ждать и надеяться – необходимо и неизбежно, но придадим этим словам более точный смысл, будем говорить: „Жди и действуй, действуй и жди!“» (1872. № 1). Так объясняла мотивы своего появления «Камско-Волжская га зета», всей своей деятельностью подтвердившая верность целям, ради которых и была создана. Именно поэтому она сумела сыграть, по отзыву В. Г. Короленко, очень важную и многоопределяющую роль местной жизни.

«Камско-Волжская газета», выходявшая вначале два, а позднее три раза в неделю, печаталась в основном на шести полосах, равных по формату примерно нашей нынешней «Неделе». Ее издатели и сотрудники, экономя газетную площадь (значительную часть которой они вынуждены были отводить официальным материалам), ограничивали себя сравнительно узким кругом вопросов, но освещали их обстоятельно и постоянно. Много места и внимания газета уделяла проблемам политики, просвещения и литературы, но центральным для нее был крестьянский и рабочий вопрос, о котором «Камско-Волжская газета» вела разговор из номера в номер. Газета рассматривала этот вопрос как единый, ибо она не смогла (да и не могла еще) понять социально го различия между крестьянами и рабочими. Для нее крестьянские и рабочее массы, одинаково задавленные административным гнетом и беспросветной нуждой, сливались в одно понятие – народ. В рабочем человеке она еще не видела представителя того развивающегося революционного класса, которому суждено было возглавить борьбу за освобождение всего трудового народа от самодержавного гнета и решать судьбы страны; основную революционную силу «Камско-Волжская газета» признавала за крестьянскими массами. «Главная масса населения, – писала га зета, – наиболее нуждающаяся в помощи, наименее имеет возможность ее ощущать вследствие тех условий жизни, которые по удобству и невинности выражения назовем хоть историческими. На какие бы категории ни делило себя человечество, оно всегда, насколько это теперь можно предвидеть, будет состоять из двух крупных групп: группы людей, живущих на готовых хлебах, и группы людей, которые даже понятия не имеют об этих готовых хлебах. Степень благосостояния общества измеряется степенью благосостояния основной массы этого общества. Там, где эта масса забита нуждой, трудом и невежеством, там нет и благосостояния. В нижегородском Поволжье, например, основная масса эта, как и везде, крестьянская...» (1872. № 50). Из этого положения газета делала вполне закономерный для нее, типично народнический вывод о том, что каждый, кто сочувствует трудовому народу и посвящает себя делу его освобождения, должен прежде всего думать о крестьянских массах и ориентироваться на их революционность. Кто поступает иначе, тот, по мнению газеты, обречен на неудачи и поражение. Этим, например, газета объяснила и главную причину поражения Парижской коммуны. (К этому вопросу нам еще придется вернуться.)

Ориентация на крестьянство как на главную и решающую общественную силу и определяла линию и программу газеты, весь характер ее публикаций. «Камско-Волжская газета» провозглашала, что пришла пора коренным образом изменить отношение к крестьянам: «Теперь это – меньшая братия, перед которой мы должны чувствовать свою вековую вину, если только привычка жизни не поставила в нас вверх ногами все понятия о справедливости. Теперь только мы вспоминаем, что все наши гимназии и университеты, в которых мы учимся и учились, были созданы на средства того темного человека, который не в силах завести порядочную школу для своих детей, обреченных в жертву невежеству и бедности от рождения до смерти. И нельзя сказать, чтобы у нас не было желания поправить ошибку, но в большинстве случаев *мы не знаем, как это сделать*. Желаний много, но они рассеяны и поэтому бессильны. Как их собрать и

соединить – в этом, между прочим, заключается самый интересный вопрос и самая серьезная задача нашего времени» (1872. № 3).

Как видим, газета искренне полагала, что ей ясна «самая серьезная задача» времени, т. е. что она знала, что делать, какую главную общественную задачу решать, но не знала, как решать. Между тем основная беда народников, и в том числе «Камско-Волжской газеты», исповедовавшей их взгляды и их идеи, в том и состояла, что они в силу исторической обусловленности не смогли дать верного ответа на главный вопрос: что делать? Отсюда та расплывчатость программы, которой следовала «Камско-Волжская газета» и которая состояла в том, чтобы «смело указывать на проявления безобразия и самодурства в среде общественной жизни и в то же время с любовью следить за проблесками светлых и благотворных явлений в отечестве, чтобы не пропускать новых вопросов, затрагиваемых столичной прессой по части желаемых улучшений и требований всех классов населения» и при этом «говорить постоянно одну только правду» (1873. № 1); эта программа для того времени была, бесспорно, прогрессивной, и газета осуществляла ее последовательно, хотя ей нередко, по ее собственному свидетельству, «приходилось многое брать с бою и иметь борьбу с неравными силами, навлекая на себя нарекания и даже угрозы».

Основные неприятности газеты были связаны с тем, как она освещала положение крестьян и рабочих, о чем она, повторяю, вела смелый разговор из номера в номер⁵. Да, в ту пору было более чем смело в провинциальной газете внушать читателю, что «крестьянин наш постоянно живет под страхом лишиться... самой своей жизни», что «условия его существования остались такими, как и во времена крепостного права» (1873. № 120), что те страдания, какими отмечена жизнь крестьянства, «еще сильнее и ужасней существуют в жизни фабричных людей» (1873. № 101).

Чтобы показать, что такое положение царит во всей России и что оно вызывает уже в массах взрывы недовольства, «Камско-Волжская газета» наряду с местными материалами широко использовала и сообщения различных других газет страны. Почти целую страницу газета отвела, например, на перепечатку материалов о крестьянском бунте Купянского уезда Ново-Екатеринославской волости (1872. № 62).

Газета подробно информировала читателей о том, как крестьяне слободы Коломийчихи Купянского уезда «объявили открытую войну местным властям» и как «началось движение в соседних с Коломийчихой селениях с низложением волостного и сельского правления и учреждением нового, своего начальства».

Аналогичные публикации газета регулярно посвящала заводским и фабричным, положение которых вызывало ее горячее сочувствие; об этом можно судить даже по заголовкам ее от дельных публикаций 1873 г.: «Судьба русского рабочего» (№ 54), «Еще о положении рабочих» (№ 35), «Хозяева – с золотом, рабочие – с сумой» (№ 20), «Насилие богачей» (№ 58), «Как обходятся с рабочими на фабриках» (№ 99), «Протест рабочих против притеснений» (№ 65), «Стачка рабочих на фабрике Михина» (№ 8), «Волнения рабочих за границей» (№ 56), «Стачка рабочих» (№ 114).

Открыто обличая виновников тягостной судьбы народа, «Камско-Волжская газета» вместе с тем резко осуждала печатные органы, которые этого не делали. Когда в 1873 г. в Самарской губернии от голода стали гибнуть десятки и сотни людей, «Камско-Волжская газета» забила в набат. Она опубликовала «Обращение к провинциальной прессе и провинциальному обществу» под тревожным заголовком «На помощь!» «Унылом звоном раздается весть о Самарском голоде из конца в конец России», – писала газета в этом обращении, призывая предпринять все возможные меры, чтобы спасти голодающих от смерти.

Сама газета объявила сбор пожертвований в пользу голодающих и регулярно публиковала списки тех, кто хоть каким-то взносом отозвался на этот призыв. Между тем голод распространялся и на другие губернии. И в «Камско-Волжской газете» появилась уже постоянная

рубрика – «Хроника народного голода». Под этой рубрикой газета в одной или двух колонках помещала леденящие душу сообщения: «Херсонский голод», «Оренбургский голод», «Донской голод», «Пермский голод», «Голод и разорение в Новгородской губернии», «Вымирание крестьян в Тверской губернии» (1873. № 134, 139, 142 и др.). Такую ситуацию многие провинциальные издания стыдливо замалчивали, будто не замечали этой всенародной трагедии. Гневно писала по этому поводу «Камско-Волжская газета»: «В нашем светском обществе, и особенно в провинциальном, любящем подражать бомонду, скрывать свои чувства и ничем не возмущаться вошло в правило» (1873. № 133). Газета резко осудила, в частности, архангельские «Губернские ведомости» и газету «Сибирь», которые «не только не осмеливаются предать гласности какой-нибудь факт, но, напротив, постоянно рапортуют о полном благополучии и процветании. Такая деятельность печати, поставившей себе задачей одну лесть и панегирики, прежде всего вредна самой провинции. Она закрывает глаза на положение провинции и поставяет целью противодействовать тому, что выражается здоровой гласностью. Словом, она выполняет орудие, совершенно противоположное честному печатному слову» (1873. № 137).

Разящие стрелы обличительных выступлений «Камско-Волжской газеты» достигали не только провинциальных изданий, защищавших самодержавные порядки. В этом отношении характерна ее схватка с газетой «Голос», выступавшей в защиту казанского фабриканта Алафузова. Началось с того, что «Камско-Волжская газета» в 1873 г. обнародовала подряд несколько фактов, разоблачавших вопиющие беззакония на алафузовских фабриках, где жесточайшей эксплуатации подвергались не только взрослые, но и дети обоего пола от 8 лет, которых заставляли работать 14 часов в день. Как и ожидала газета, ее выступления не остались без ответа. Причем ответ появился в столичном «Голосе» (1873. № 289), откуда его тут же перепечатал «Казанский биржевой листок». «В этой длинной статье, – комментировала «Камско-Волжская газета» выступление «Голоса», – уполномоченный Алафузова г. Племят делает попытку опровергнуть ту горькую истину, которая содержалась во всех отзывах и заметках о фабрике и заводе г. Алафузова, напечатанных в разное время в „Камско-Волжской газете“. В конце г. Племят присовокупляет, что Алафузов, едва только слышал голод в Самарской губернии, как уже послал своего доверенного на место бедствия, с целью вербовать на завод рабочих. Против этого мы ничего не говорили и не говорим; нам это кажется очень вероятным, потому что самарский крестьянин теперь дешевле казанского» (1873. № 133).

Несколькими номерами позже «Камско-Волжская газета» опубликовала открытое письмо от имени своего редактора Н. Агафонова редактору «Голоса». Решительно осудив столичный «Голос» за участие в недостойной полемике, Агафонов саркастически заключал: «Ни один уважающий себя орган печати не может взять на себя защиту таких, например, приемов промышленников, как вербовка в голодной местности под задатки на прокормление семьи, умирающей с голоду, а между тем на страницах своей газеты вы допускаете смеху достойное уверение, что подобная вербовка имеет характер благотворительного подвига со стороны нанимателя; вы допускаете в вашей газете те такие вещи, как заключительная тирада г. Племята, который уверяет, что фирма гг. Александра и Алафузова в Казани (считающая свои барыши десятками, если не сотнями тысяч) довольствуется лишь сознанием той пользы, какую она приносит рабочим и целому краю!» (1873. № 138).

В этом частном случае и в общей обличительной направленности «Камско-Волжской газеты» со всей очевидностью проявилась ее верность традициям революционно-демократической печати, провозгласившей устами Добролюбова, что подлинные борцы за народное дело «должны действовать не усыпляющим, а совсем противным образом»⁶.

Именно в таком духе, насколько это было возможно в тогдашней провинции, «Камско-Волжская газета» обращала внимание своих читателей на мерзости окружающей жизни. При этом она не скрывала своей ориентации на опыт лучших изданий революционной демо-

кратии. Скажем, сатирические публикации в газете те подавались как подражания Курочкину; зачастую под ними стояла подпись (по аналогии с литературной маской Добролюбова) Казанский Лилиеншвагер. «Камско-Волжская газета» регулярно помещала обзоры столичных изданий, выделяя среди них прежде всего «Отечественные записки» и «Дело». «Из наших журналов, – читаем в одном из обзоров, – выдаются наиболее „Отечественные записки“, „Вестник Европы“ и „Дело“. В „Отечественных записках“ обращают на себя внимание два новых произведения Некрасова: „Русские женщины“ (январь) и „Кому на Руси жить хорошо“ (февраль), а также „Благонамеренные речи“ и „В доме умалишенных“, составляющие продолжение „Дневника провинциала в Петербурге“. Оба они написаны с обычным талантом и юмором Щедрина, особенно „Благонамеренные речи“, где выставлено отношение наших грошовых либералов к разным современным вопросам. Вообще Щедрин в последнее время занялся изображением всевозможных наших деятелей-сеятелей, ташкентцев и пенкоснимателей, земцев и адвокатов, которые, при меняясь к новым условиям жизни, стремятся к той же наживе, как и блаженной памяти герои „Губернских очерков“. Только новые деятели прикрывают свои грязные делишки громкими фразами о пользе, приносимой ими обществу» (1873. № 135).

Еще раньше, обозревая первую книжку «Отечественных записок» за 1872 г., газета с нескрываемым восторгом сообщает, что «самая замечательная вещь в этой книжке, без сомнения, третья сатира Щедрина. В ней раздаётся торжествующий, язвительный смех писателя, стоящего целой головой выше толпы своих подражателей, и мы довольны, мы удовлетворены, мы ловим с наслаждением каждое слово и чувствуем какое-то облегчение при мысли, что один за всех он с убийственным хладнокровием высказал то, что у каждого таилось на душе, о чем все трубили, болтали, чесали языки без всякого результата... Таков в наше время один только Щедрин. Проходят годы, а он не только не исписывается, но с каждым годом становится сильней и захватывает все шире и шире» (1872. № 10). В заслугу «Отечественным запискам» и «Делу» «Камско-Волжская газета» ставила в первую очередь их верность прогрессивному направлению: «„Вестник Европы“ занимается больше обзором фактов, а „Отечественные записки“ обращают преимущественно внимание на обличение разных безобразий, которыми полна наша жизнь как в столице, так еще более в провинциях» (1873. № 135).

Этот журнал, как и «Дело», которое держится своих лучших традиций, «стремится выразиться более в направлении», – подчеркивала газета.

Верность тому направлению, которое служило народным интересам, была для «Камско-Волжской газеты» основным критерием ценности и прогрессивности печатного издания. И поскольку газета сама не изменяла этому направлению, она вправе была оценивать другие печатные органы по большому счету, неизменно сравнивая их, как с образцом, с изданием революционно-демократического направления. Это, в частности, дало ей право подвергнуть принципиальной критике популярную в то время столичную газету «Неделя», анализу которой «Камско-Волжская газета» посвятила несколько обстоятельных статей. «Либеральным органом я не назову „Неделю“ уже потому, – писала газета, – что считаю пока несправедливым ставить ее на одну доску с „Петербургскими ведомостями“». Прогрессивным органом «Неделю» тоже назвать нельзя: «...в наше время, когда... все органы по-видимому прогрессивны: все советуют идти „вперед“, но так как стоят друг к другу задом, то расходятся в разные стороны; что для одних „вперед“, то для других означает „назад“. Следовательно, назвав „Неделю“ органом прогрессивного направления, должно бы прибавить, что она лицом в одну сторону, например, с „Отечественными записками“, но соответственное направление „Недели“ остается не выясненным, потому что между нею и поименованным выше журналом, хотя они и смотрят вперед по одному направлению, чувствуется весьма заметная разница – взгляда. Уж если допускать общие выражения, я назвал бы направление „Недели“ паллиативным» (1873. № 86). Объясняя эту паллиативность, газета заключает, что у «Недели» нет ясного мирозерцания и она не отдает себе отчета в том, кому служит.

Для общественных позиций и направленности самой «Камско-Волжской газеты» весьма показательна и ее отношение к Парижской коммуне, основные события которой произошли за долго до появления этой газеты. Ко времени выхода ее первого номера (январь 1872 г.) международная реакция чинила уже суд и расправу над коммунарами.

Антинародные газеты на разные лады торжествовали победу, соревнуясь в самой бесстыдной клевете и на участников Парижской коммуны, и на тех, кто им сочувствовал. «Московские ведомости» называли Коммуну «безумным мятежом, оргией постыдных злодейств, кровавой мистификацией», а коммунаров «парижской сволочью»; «Санкт-Петербургские ведомости» и «Голос», сбросив либеральные маски, трубили о том, что если бы Коммуна победила, то это был бы чуть ли не конец света. Перепуганный «Голос», возмущаясь «чудовищными методами борьбы шайки парижских пролетариев», со вздохом облегчения уверял, что России это не угрожает, так как «здесь нет пролетариата». Этим столичным «голосам» старательно подпевали и провинциальные издания. «Новороссийский телеграф», например, с радостью сообщал, что Европа «могла еще раз убедиться в невозможности переустройства методами парижских революционеров», а «Киевский телеграф», называвший Парижскую коммуну «великой опасностью», которая угрожала господством пролетариата не только Франции, когда получил известия о кровавой расправе с коммунарами, поспешил «поздравить не версальцев, а цивилизацию».

В этом торжествующем вое реакции, как справедливо замечает Б. С. Итенберг в своей книге «Россия и Парижская коммуна»⁷, нелегко было защищать честь Коммуны на страницах русской легальной печати. Тем не менее слово правды о Парижской коммуне прозвучало в России достаточно внушительно. И прозвучало оно прежде всего со страниц революционно-демократических изданий. «Искра» и «Отечественные записки» дали достойный бой клеветникам Коммуны и мужественно поведали читателям о том, что в Париже произошел не анархический мятеж, а революция пролетариата. Мы знаем, как Щедрин в очерках, опубликованных в «Отечественных записках», по словам Ленина, классически высмеял когда-то Францию, расстрелявшую коммунаров. В этой связи бесспорный интерес представляет отношение к Парижской коммуне провинциальной «Камско-Волжской газеты». Этот интерес усугубляется тем обстоятельством, что до сих пор отношение передовых людей России к Парижской коммуне изучается только по публикациям столичных изданий. Между тем это историческое событие получило большой резонанс и в провинции, и в национальных окраинах России, т. е. всюду, где, по выражению Ленина, страдал и боролся пролетариат⁸. Можно провести разные свидетельства того сочувствия и понимания, с каким была воспринята судьба Парижской коммуны в провинции и национальных окраинах России, но в этой статье речь идет о «Камско-Волжской газете», и потому подробнее остановимся на ее отношении к Коммуне.

Сообщения «Камско-Волжской газеты» были связаны в основном с дальнейшими судьбами участников Парижской коммуны, а также с тем, как был воспринят ее опыт в самой Франции и за ее пределами. Уже 7 января 1872 г. «Камско-Волжская газета» информировала читателей: «Всех заключенных за последнее восстание до сих пор еще насчитывают во Франции до 15 000; к новому году ожидали что-нибудь вроде амнистии, но надежды пока не оправдались», а 28 января газета сделала уточнение, взятое из французских газет: «Общее число лиц арестованных по делу Коммуны, равняется 53 515 человекам».

Все симпатии «Камско-Волжской газеты» были на стороне этих арестованных, и она их не скрывала, хотя знала, какие за это могут последовать кары. Но приведем еще несколько сообщений газеты, относящихся в 1872 г.

«Из Парижа получают довольно неутешительные известия. В промышленности и торговле полный застой и вследствие того в среде рабочего населения господствует страшная бедность, принимающая размеры грозного пауперизма. Тысячи рабочих семей лишены всяких средств снискать себе хоть самое скудное пропитание, многие буквально умирают с голоду.

Не говорим уже о том, что тысячи бедных женщин, мужья которых приговорены к смерти или ссылке за участие их в действиях Коммуны, лишились своих кормителей и терпят страшную нужду, но правительство Тьера требует еще с них судебных издержек и отнимает у них последние крохи, последнюю домашнюю утварь для того, чтобы покрыть издержки военного суда, приговорившего мужей этих несчастных женщин к смерти, тюремному заключению или к ссылке» (1872. № 96).

«В последние дни в Париже много произведено арестов. Понятно, что аресты и слухи о предполагаемых строгих мерах ко всем лицам, чем-нибудь замешанным в дела Коммуны, вызвали панику, и многие предпочитают искать убежище в Бельгии и Англии, чем ожидать правосудия от правительства ультрамонтанов... Ненависть большинства народа против версальского собрания начинает обнаруживаться с новой силой, как в то время, когда версальское правительство беспощадно и жестоко подавило Коммуну» (1872. № 73).

Месяцем раньше, сообщая о попытках восстановления монархии во Франции (после подавления Парижской коммуны), «Камско-Волжская газета» заявляла: «Но нужно иметь очень низкое понятие о нравственных качествах французской нации, чтобы пола гать, что она способна будет долго выносить правительство, основанное на насилии» (1872. № 58).

Регулярно публикуя такие материалы, газета, однако, не ограничилась информационными сообщениями. Например, в июле 1873 г. она поместила несколько обстоятельных статей Н. М. Ядринцева, содержащих весьма любопытный анализ уроков Парижской коммуны (1873. № 65, 71, 81). Выводы автора были, разумеется, далеки от марксистских, ибо они делались с позиций крестьянского идеолога. Но хорошее знание истории революционного движения во Франции позволило ему высказать мысли, представляющие бесспорный интерес. В этих статьях, опубликованных под общим заголовком «Судьбы провинции и провинциальный вопрос во Франции» и подписанных псевдонимом Н. Затуранский, обосновывалась прежде всего закономерность Парижской коммуны. Вся система жизни во Франции, по утверждению Ядринцева, была направлена к тому, чтобы отучить народ от общественных дел, разрознить общество, убить в нем ум и самостоятельность. В таких условиях Париж и социал-демократы, почувствовав снова момент решительных действий, трепетали революционной страстью и желанием немедленного разрешения социального вопроса. Версальское же правительство увидело страшную опасность в руках вооруженного Парижа. «Это были два крайних полюса французской жизни, воспитанные всей предшествующей историей. Сошедшись, эти партии могли только ринуться друг на друга, и они ринулись...»

Выражая сожаление по поводу того, что новая революция во Франции «окончилась без всякого результата», обозреватель «Камско-Волжской газеты» объяснил это тем, что «парижане к главным вопросам жизни сами явились неподготовленными». И неподготовленность эта, по мысли Ядринцева, проявилась прежде всего «в отсутствии всякой солидарности сельских масс и городских рабочих классов». «Поэтому Париж потерпел поражение не столько от версальцев и консервативных буржуазных депутатов, сколько от отсутствия сочувствия к Парижу всей Франции, т. е. сельского и провинциального большинства. Провинциальный вопрос, таким образом, составил самую слабую сторону французской истории, и Франция поплатилась за небрежение к нему многими своими несчастьями и неудачами».

Но какие пути и решения предлагал автор статей во имя того, чтобы избежать на будущее этих несчастий и неудач? Главным образом – «прочное политическое воспитание всего народа». «До тех пор, – утверждал он, – пока прогрессивное меньшинство Франции, хотя бы и с лучшими стремлениями, будет расходиться с народом и не позаботится о его воспитании, она будет постоянно чувствовать задержки своего развития и испытывать внутренний разлад».

Осуществление этой задачи, т. е. такого политического воспитания народа, какое бы гарантировало революционное обновление его жизни, представлялось Ядринцеву делом долгим и отдаленным. По крайней мере Франции, по его словам, «предстоит вековая работа

вперед». При этом, правда, он высказал пророческую мысль о том, что плодами французского гения, которому Европа обязана разрешением многих общих вопросов, смогут воспользоваться гораздо раньше другие народы. Это и впрямь звучало пророчески, если учесть, что критика французской жизни явно подразумевала и критику общественных порядков России, а выводы и намеки автора были обращены к русскому читателю. «Мы полагаем, – заключал свои статьи Ядринцев, – что роль русских братья все хорошее из опытов всех наций, избегая всего вредного. Словом, мы стремились к возбуждению самостоятельности русской мысли и критики».

На возбуждение самостоятельности русской мысли и на во с питание общественной активности своих читателей были рассчитаны все публикации «Камско-Волжской газеты», посвященные и Парижской коммуне, и другим революционным выступлениям трудовых масс европейских стран. Газета внимательно следила за политическими событиями как в самой России, так и за рубежом. И тщательно отбирала из потока сообщений то, что с ее точки зрения представляло действительный интерес. Характерно, что она не жалела газетной площади, когда сообщала о революционном движении в Испании и Италии или когда писала о деятельности Международного общества (Интернационала). Газета опубликовала почти полный текст «Воззвания к демократии», подписанного Гарибальди, из которого особо выделила слова: «Умственное возрождение должно быть завершено облегчением пролетариата, который не находит обеспечения против голода в своем труде, служащем к обогащению других» (1872. № 65).

11 августа 1872 г. «Камско-Волжская газета» информировала о том, что 2 сентября в Гааге соберется конгресс Международного общества, который обсудит изменения в уставе Общества с происшедшими событиями во Франции и на котором выступит главный секретарь Карл Маркс.

Когда в Испании поднялось революционное движение и пролетариат в некоторых промышленных центрах (по примеру парижан) стал провозглашать Коммуны, газета подробно сообщала об этих событиях, подчеркивая, что это победы приверженцев Международного общества (1873. № 79).

Из всего сказанного можно со всей определенностью заключить, что «Камско-Волжская газета» не была органом «малых дел», хотя какое-то внимание она им уделяла. Это была прежде всего газета четко выраженной демократической направленности, последовательно отстаивавшая в неравной борьбе интересы трудового народа и сыгравшая заметную роль в политическом воспитании своих читателей (а они были не только в Казани и по всему Поволжью, но даже в Сибири). Газета имела все основания, подводя итоги первого года, заявить о себе: «Истекший год был годом борьбы за существование, которую газета вынесла хотя с большим трудом, но, смеем сказать, с честью» (1873. № 11). Газета с честью выдержала борьбу и второй год, но большей жизни ей не было суждено. В самом начале третьего года, не выдержав притеснений цензуры и преследований администрации, она вынуждена была прекратить свое существование.

Несмотря на свой короткий век, «Камско-Волжская газета» составила одну из ярких страниц истории русской провинциальной прессы, свидетельствуя не только о политическом пробуждении русской провинции 1870-х годов, но и о том огромном влиянии, которое оказала на это пробуждение революционно-демократическая печать. То было время, когда, по словам Ленина, народничество было господствующим направлением и в его общем потоке пролетарско-демократическая струя не могла еще выделиться. Но во имя приближения той поры и подготовки тех условий, когда ее выделение стало возможным, посильную лепту внесла и «Камско-Волжская газета». И в этом ее неоспоримое достоинство и заслуга.

1972 г.

Примечания

¹ *Короленко В. Г.* Из истории областной печати: сб. в память А. С. Гациского. Н. Новгород: Изд-во Новгор. ученой архив. комиссии, 1897. С. 24.

² *Русская* периодическая печать (1702–1894): справ. М.: Изд-во полит. лит., 1959. С. 548–549.

³ *Красоты* обывательской журналистики // Дело. 1873. № 11. С. 46–66.

⁴ *Короленко В. Г.* Указ. соч. С. 25. – Любопытно, что и царская цензура, найдя «Камско-Волжскую газету» самую тенденциозною и вредною из всех подцензурных газет», называя ее «органом и центром общения лиц, находящихся под надзором полиции», вынуждена была признать одновременно, что «газета, издаваемая Агафоновым, ведется с искусством и даровитостью» (ЦГИА. Ф. 776. Оп. 4. Ед. хр. 516. С. 84, 86).

⁵ В обширной переписке между Главным управлением по делам печати и казанским цензором то одной, то другой стороной отмечалось, что сотрудники «Камско-Волжской газеты» «в постоянном озлоблении возмущают рабочий класс против имущих» и что «в общем характере помещаемых в означенной газете статей почти всегда так или иначе возбуждается неприязнь к настоящему порядку, к правительству, к высшим и имущественным слоям». Цензура не смогла простить газете даже опубликования тоста, произнесенного на обеде у местного заводчика, ибо тост был за рабочих, «мозолистые руки которых неустанно работают на заводе, доставляя тем славу своим хозяевам» (ЦГИА. Ф. 776. Оп. 4. Ед. хр. 516. С. 59, 74, 84 и др.). Почти целую страницу газета отвела, например, на перепечатку материалов о крестьянском бунте Купянского уезда Ново-Екатеринославской волости (1872. № 62).

⁶ *Добролюбов Н. А.* Собрание сочинений: в 9 т. Т. 9. М.: Гослитиздат, 1964. С. 408.

⁷ *Итенберг Б. С.* Россия и Парижская коммуна. М.: Изд-во АН СССР, 1971. С. 74.

⁸ Не зря же Главное управление по делам печати немедленно отреагировало на это выступление Ядринцева и поспешило напомнить казанскому цензору, что «настоящая социально-критическая статья, будучи совершенно неуместна по-своему существу в газете подцензурной, а особенно провинциальной, не подходит и под разрешенную для этого издания программу» (ЦГИА. Ф. 776. Оп. 4. Ед. хр. 616. С. 62).

Газеты «Северный Кавказ» и «Казбек» накануне и в период первой русской революции

Несомненный интерес для понимания значения первой русской революции представляет изучение опыта легальных провинциальных газет, которые не только вели и сохранили на своих страницах захватывающую летопись событий великих дней революции, но и в определенной мере содействовали наступлению этих дней. К числу таких местных изданий по праву следует отнести ставропольский «Северный Кавказ» и владикавказский «Казбек», опыт которых исследован и оценен еще далеко не в полной мере.

«Северный Кавказ» был одним из лучших провинциальных изданий России конца XIX – начала XX в. Издававшаяся с 1884 г. Д. И. Евсеевым и В. В. Берком, эта газета на первых порах мало чем отличалась от многих других органов провинциальной печати, уделявшей основное внимание «местным нуждам». В поле ее зрения попадали лишь частные вопросы, связанные с жизнью края. «Благонадежность» газеты и ее издание не вызывали сомнений ни у администрации, ни у цензуры. Однако с приходом в «Северный Кавказ» великого осетинского поэта и революционного демократа Коста Хетагурова (в 1893 г.) характер и направление газеты резко изменились. В ней чаще стали появляться публикации, обличительный пафос которых был открыто направлен против самодержавного строя. В начале 1896 г. Коста по заключенному между ним и Д. И. Евсеевым договору стал равноправным совладельцем «Северного Кавказа». Согласно этому договору за Коста Хетагуровым признавалось право «без вмешательства Евсеева» распоряжаться «как относительно распределения труда по составлению номеров, так и характера сотрудничества»¹, т. е. фактическое руководство газетой перешло в руки Коста, превратившего «Северный Кавказ», по справедливому замечанию В. Н. Цаллагова, в «орган революционно-демократической мысли»².

Влияние Коста Хетагурова на направление газеты и политический характер ее публикаций с особенной силой появилось в 1901 г., оказавшемся последним годом его сотрудничества в «Северном Кавказе». К тому времени ставропольская газета своим последовательным демократизмом, смелыми выступлениями в защиту интересов трудовых масс в полной мере подтвердила общественную значимость серьезной местной печати, задачу которой «Северный Кавказ» видел в том, чтобы проводить «определенную мысль в среду самого общества» (Сев. Кавказ. 1901. № 98) и тем исполнить свой долг перед ним.

Под «определенной мыслью» газета подразумевала революционную мысль, но по цензурным соображениям вынуждена была прибегать к таким вот неопределенным формулировкам. Этот вывод подтверждается анализом выступлений самих публикаций «Северного Кавказа», внимательно следившего за всеми течениями общественной мысли и отдавшего явное предпочтение марксизму как истинно революционному учению. Именно этим объясняется возрасставший с каждым годом интерес газеты к марксизму, в пропаганде которого, несмотря на цензурные запреты и притеснения, она особенно преуспела в 1901 г.

Начиная с февраля «Северный Кавказ» в течение всего этого года регулярно помещал статьи, популярно разъясняя своему читателю различные аспекты марксистского учения. По преимуществу это были рецензии на марксистские труды или на книги, содержавшие те или иные толкования марксизма. Так, 17 февраля 1901 г. «Северный Кавказ» опубликовал подвальныйю статью под заглавием «Масарик (философские и социологические основания марксизма)». Автор статьи, подписавшийся псевдонимом Яков Подневольный, сразу предупредил читателя: «Так как Масарик пользовался материалом, который большинству читателей недоступен, то книга его представляет особенный интерес».

Эту же мысль автор конкретизировал и в конце статьи, подчеркнув, что сама по себе книга Масарика представляет интерес лишь постольку, поскольку в ней приводится большое количество извлечений из марксистских первоисточников, позволяющих познакомиться с основами учения Маркса. Отсылая читателей к этой книге, рецензент наверняка учитывал, что не у многих из них окажется возможность взять ее в руки. Поэтому он подробно излагает те или иные положения марксизма, извлекая их из рецензируемой книги. Попутно он с откровенной издевкой комментирует легкомысленные наскоки Масарика на Маркса и его теорию.

Но обратимся к самой статье. Ее автор, не скрывая своего полного согласия с марксизмом, констатирует вначале, что «исторические события, как и явления природы, управляются внутренними скрытыми законами» и что «марксизм ищет движущие причины» этих законов.

Подготовив читателя к восприятию последующих положений, он продолжает: «Следует обращать внимание не столько на мотивы отдельных хотя бы и выдающихся людей, сколько на мотивы, приводящие в движение целые классы в каждом народе». Затем переходит к вопросу о том, «что же такое классовая борьба». И объясняет: «Это – борьба из-за неоплаченной прибавочной стоимости», подробно останавливаясь при этом на Марксовой теории прибавочной стоимости: «Производство прибавочной стоимости (путем найма и эксплуатации их труда) – вот абсолютный закон современного хозяйства. Само собой, кто может нанимать других, заботится о большем количестве прибавочной стоимости, продающие же свой труд отстаивают лишь свои интересы. Борьба этих противоположных интересов проходит красной нитью через всю историю, образуя тот базис, на котором разыгрываются все события политического, юридического, морального и интеллектуального характера». В развитие этой мысли автор добавляет, что и организация государственной власти вызывается классовыми интересами, необходимостью сохранять и защищать положение господствующих в обществе сил.

«Человечество, – подчеркивает он, – только теперь пробуждается от иллюзии своей идеологии, признав производственные отношения реальным базисом всех других отношений (противоречие классовых интересов). Не сознание человека определяет его бытие, а, наоборот, его общественное бытие определяет его сознание».

Изложив таким образом те положения марксизма, которые рецензенту книги Масарика казались наиболее важными, он в конце статьи, словно бы вспомнив об авторе книги, возвращается к самому Масарику.

«По мнению Масарика, – иронизирует он, – марксизм без всякой критики воспринял учение Гегеля, Фейербаха, позитивизм и т. д. Вообще Масарик, если можно так выразиться, ни в чем не согласен с марксизмом. Образцами его критики могут служить его положения, более выставляемые им, чем доказываемые... Например, марксизм неправ, объясняя экономически мораль, культ, церковную организацию, причем Масарик не только не анализирует содержание источников культа и морали, но вообще отделяется словами „это не верно“, „не доказано“ и т. д. Столь же категорически и столь же бездоказательно Масарик заявляет, что общественных классов и борьбы между ними никогда не существовало и не существует. Между тем вся жизнь служит примером обратного положения». Примечательно, что рецензент, опровергая и высмеивая «курьезные доводы» и «нелепые „аксиомы“» Масарика, обличает его как воинствующего «защитника современного строя», как идеолога господствующих классов, заинтересованного в сохранении существующего порядка вещей. Именно этим он объясняет «еще одно открытие Масарика», утверждающего с серьезным видом, что «человек от природы не только охотно господствует, но столь же охотно подчиняется и слушается», т. е. Масарика вполне устраивают порядки, при которых одни охотно господствуют, а другие столь же охотно подчиняются...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.